

Тётушка Сунь и раньше подозревала, что Цзи Лянь резко переменялся к Дяньдяню лишь ради того, чтобы втереться в доверие к его отцу и обрести нового покровителя. Но за последние несколько дней она окончательно убедилась в другом: парень попросту сошел с ума.

Репутация у Цзи Ляня с самого дебюта была из рук вон плохой. Стоило кому-то упомянуть его имя, как собеседники либо недоуменно пожимали плечами, не понимая, о ком речь, либо кривились от отвращения. Парень обожал пиариться за чужой счёт: на мелких сошек он даже не смотрел, навязываясь исключительно признанным звёздам первой величины. Добродушные знаменитости, возможно, и не опускались до разборок со столь жалкой фигурой, но вот их преданные фанаты церемониться не собирались. Так что в своём нынешнем незавидном положении и всеобщем презрении Цзи Лянь был виноват исключительно сам — доигрался.

Когда разразился скандал с подменой наследников, имя Цзи Ляня вновь загремело на всю страну, пусть и в крайне позорном ключе. Реакция публики осталась прежней: лавина проклятий, насмешек и презрения. Тётушка Сунь считала, что у парня просто поехала крыша под грузом навалившихся неудач.

И симптомы были налицо.

Цзи Лянь, который раньше маниакально следил за фигурой и сидел на строжайших диетах, вдруг принялся мести всё подряд. Прежде он едва наскребал на два приёма пищи в день, теперь же перешёл на полноценное трёхразовое питание, не брезгуя при этом полдниками и ночными набегами на холодильник.

Готовить он не умел, а потому в приказном тоне требовал еду от неё. Стоило Сунь Ланьшу воспротивиться, как этот наглец без зазрения совести отбирал её собственную порцию, едва она успевала разложить её по тарелкам. В отместку она несколько раз заказывала доставку, но и тут её ждало фиаско: Цзи Лянь умудрялся перехватывать курьеров прямо у порога.

Прежний Цзи Лянь, хоть и не отличался жизнерадостностью, никогда не застывал часами на одном месте с пустым, безразличным лицом, пропуская её колкости мимо ушей. Теперь же он словно заперся в глухом панцире, и единственным, кому удавалось пробиться сквозь эту броню, оставался маленький Хэ Шэн.

Вчера поздно вечером, дождавшись, пока Цзи Лянь уснёт, тётушка Сунь прокралась на кухню и поставила томиться кашу. По её наблюдениям, этот соня никогда не поднимался раньше семи утра. Она завела будильник на шесть, планируя по-быстрому позавтракать в тишине и покое.

Питаться фастфудом изо дня в день её желудок отказывался, да и бесконечная борьба за выживание у плиты изрядно вымотала женщину. К тому же ей приходилось заказывать еду в тройном объёме, чтобы прожорливый Цзи Лянь насытился и оставил хоть крошку ей самой. За последние дни она не только вымоталась физически, но и спустила на курьеров кругленькую

сумму — её кошелёк стремительно худел.

Потакать капризам этого сумасшедшего она больше не собиралась.

На утренние сборы у неё ушло не больше пятнадцати минут. Стоило Сунь Ланьшу переступить порог кухни, как в нос ударил упоительный, сладковатый аромат каши «Восемь драгоценностей», которая всю ночь томилась в глиняном горшочке.

Аппетитный запах мгновенно прогнал остатки дурного настроения. Женщина даже с лёгким сожалением подумала, что стоило бы вчера сварить ещё и ласточкины гнёзда. В прошлый раз она приготовила целую кастрюлю этого изысканного десерта, но, когда вспомнила о нём, посуда была уже вылизана до блеска. Блюдо стоило не так уж дорого, но сам факт того, что этот паразит не оставил ей ни ложки, до сих пор заставлял её кровь закипать от злости.

Не желая с самого утра портить себе нервы мыслями о неприятном типе, Сунь Ланьшу оборвала воспоминания и, весело напевая под нос, потянулась к плите. Но когда она приподняла тяжёлую крышку глиняного горшка, песня застряла у неё в горле. Внутри было пусто. Ни капли влаги, ни единой разваренной рисинки — каша, которую она так тщательно рассчитала ровно на одну порцию, исчезла без следа.

Лицо женщины мгновенно позеленело от ярости. Догадываться о виновнике долго не пришлось.

— Цзи Лянь!

Внушительные стены особняка обладали неплохой звукоизоляцией, поэтому долетевший со второго этажа яростный вопль растерял всю свою грозную мощь и превратился в глухое эхо.

Маленький Дяньдянь оторвался от разноцветных деталей конструктора и испуганно уставился на запертую дверь детской. Всё его крошечное тельце мгновенно напряглось.

Цзи Лянь ласково взъерошил мягкие кудряшки малыша. Волосы у Дяньдяня были густыми, плотными и забавно вились на концах. Спросонья они задорно торчали в разные стороны, из-за чего мальчик походил на очаровательного кудрявого ягнёнка.

В последние дни Сяо-ба дарил ему исключительно тепло и заботу. Малыш больше не сжимался от страха при его приближении. Напротив, когда ладонь отчима коснулась его головы, он доверчиво прильнул к ней, заглядывая взрослому в глаза с безграничной детской преданностью.

— Не обращай внимания, — спокойно произнёс Цзи Лянь, легонько ущипнув мальчика за пухлую щёчку.

Дяньдянь послушно кивнул.

Рядом был его Сяо-ба, а значит, даже если злая тётя-няня будет кричать за дверью, бояться совершенно нечего.

Цзи Лянь зачерпнул ложкой кашу и поднёс к приоткрытым губам мальчика. Тот лишь заторможенно захлопал ресницами, не спеша открывать рот.

Благодаря неустанным стараниям его желудок заметно растянулся, так что крошечной порции, сваренной Сунь Ланьшу, взрослому парню всё равно бы не хватило. Но Цзи Ляню, при всей его маниакальной привычке оберегать свою еду, и в голову бы не пришло объедать ребёнка. Он сразу решил скормить всё Дяньдяню, тем более что сам уже успел знатно набить брюхо внизу — заварил несколько пачек дорогой импортной лапши быстрого приготовления, стащенной из запасов экономки. Сейчас он чувствовал себя сытым до отвала.

Малыш Дяньдянь, к слову, тоже был сыт по горло. Порция каши, рассчитанная на взрослого человека, для трёхлетнего ребёнка оказалась непосильной ношей.

Но отчим искренне переживал, что малыш останется голодным. Заметив, как тот медлит, он решил, что Дяньдянь просто устал держать ложку, и принялся кормить его сам.

Мальчик понимал: скажи он, что наелся, и Сяо-ба тут же уберёт тарелку. Вот только отвергнуть эту непривычную, драгоценную заботу у него не поднималась рука.

Дяньдянь пошире раскрыл рот и, изо всех сил сдерживая рвущуюся наружу сытую отрыжку, послушно проглотил очередную ложку каши, щедро одобренной родительской любовью.

— Цзи Лянь, открой дверь! Живо! — забарабанила в дверь Сунь Ланьшу с такой силой, что хлипкое полотно задрожало, а по косяку, казалось, поползли трещины.

Оказавшись совсем близко, разгневанная женщина взревела так громко, что Хэ Шэн вздрогнул. Малыш поперхнулся кашей, судорожно зажал рот ладошками и зашелся в глухом кашле, который то и дело прерывался громким иканием.

«Это же каша от Сяо-ба! Нельзя выплевывать! Ни за что!»

Цзи Лянь поспешно отставил тарелку и бережно похлопал мальчика по узкой спинке. Убедившись, что Дяньдянь отдышался и пришёл в себя, он поднялся и решительно направился к выходу. Стоило ему резко распахнуть дверь, как занесённый кулак Сунь Ланьшу промахнулся, едва не заставив её потерять равновесие. Парень грациозно уклонился, не позволив женщине даже коснуться своего плеча.

— Что-то случилось? — холодно поинтересовался он.

Ровный, лишенный каких-либо эмоций тон хозяина дома окончательно вывел экономку из себя. Она буквально задохнулась от ярости:

— Кто позволил тебе сожрать мою кашу?! Воришка!

— Украл? — Цзи Лянь приподнял уголок губ в презрительной усмешке. — Разве можно назвать кражей то, что я беру вещи в собственном доме?

— В каком ещё твоём доме?! — взвизгнула Сунь Ланьшу. — Эту кашу я варила для себя! Взять без спроса — это и есть воровство!

— Всё, что находится под этой крышей, официально принадлежит мне, — парировал Цзи Лянь. — Скажи-ка, а ты сама хоть раз спросила моего разрешения, прежде чем пользоваться моими вещами?

Тётушка Сунь на мгновение потеряла дар речи, но быстро нашлась:

— Твоими?! Да тут ни единой твоей плошки нет! Всё до последнего цента куплено на деньги господина Хэ Минчэня! Так что ты самый настоящий вор!

Хотя вслух об этом никто не говорил, экономка давно разгадала их тайну. Она была уверена, что между Цзи Лянем и Хэ Минчэнем нет и намёка на чувства — обычный брак по расчету, ширма, за которой богатеи так любят прятать свои сделки. Именно равнодушие влиятельного супруга развязывало ей руки. Сунь Ланьшу прекрасно знала, что за Цзи Ляня некому заступиться, а потому без зазрения совести вела себя как полноправная хозяйка, ни во что не ставя номинального господина.

— Украл, значит, — тихо повторил Цзи Лянь и негромко рассмеялся.

Его рост в метр семьдесят шесть сантиметров считался довольно скромным для шоу-бизнеса, но сейчас этого было более чем достаточно, чтобы свысока взирать на едва достигавшую ему до плеча Сунь Ланьшу. Внезапно смех оборвался, но натянутая улыбка застыла на его лице, отчего по спине женщины пробежал ледяной холодок.

— Насколько я помню, господин Хэ нанял тебя в качестве прислуги, чтобы ты заботилась о Дяньдяне и обо мне. Это твоя прямая обязанность, не так ли? И с каких это пор прислуга имеет наглость отчитывать хозяина за взятую еду? Называть меня вором... Тебе не кажется, что ты валишь с больной головы на здоровую?

— Да как ты... — задохнулась Сунь Ланьшу.

«Этот безумец не просто слетел с катушек — у него откуда-то прорезался на редкость острый язык. Раньше Цзи Лянь был безвольным, трусливым слизняком, не смевшим сказать ей и слова

поперёк. Неужели сумасшествие способно так исказить человеческий характер? Или он притворялся все эти годы? Но ради чего?»

Перемена в поведении парня ввела женщину в полнейшее замешательство. Предыдущие дни он просто игнорировал её присутствие, забирая еду и молча уходя, из-за чего она даже не успевала выплеснуть накопившуюся злость. Теперь же, когда он наконец соизволил удостоить её ответом, его слова вонзались как иглы, лишая возможности защищаться. Более того, Сунь Ланьшу вдруг поймала себя на том, что боится поднять на него глаза.

Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, но в глубине бездонных чёрных зрачков сквозила такая леденящая пустота, словно она смотрела в тёмный омут. Стоило встретиться с ним взглядом, как разум окутывал первобытный, удушающий страх.

Спешно отведя взор, Сунь Ланьшу уставилась на притихшего в углу Дяньдяня.

Мальчик напрочь забыл о недостроенном роботе-конструкторе. В его огромных глазах читались тревога и испуг, но, вопреки обыкновению, он не попытался спрятаться или отвернуться. Напротив, его крошечные кулачки были плотно сжаты, а сам он воинственно насупился, будто готовый в любую секунду броситься на защиту своего Сяо-ба.

«Какая нелепость! Неужели и этот щенок возомнил, что может показывать зубы?»

Если Цзи Лянь продолжит настраивать мальчишку против неё, она провалит поручение Хэ Минжуя. А без этого кто выплатит ей тот баснословный куш, ради которого она и согласилась на эту грязную работу?

— Искренне надеюсь, что подобное не повторится, — подлил масла в огонь Цзи Лянь, окончательно лишая её самообладания. — Если я ещё раз услышу в свой адрес обвинения в воровстве, мне придётся обсудить вопрос твоего увольнения лично с господином Хэ.

Спокойный, почти будничный тон отчима ударил по самому больному месту. Ярость окончательно затмила разум женщины, и она, сорвавшись на визг, выпалила:

— Не утруждайся! Я сама всё расскажу господину Хэ! Посмотрим, что он запоёт, когда узнает, как жестоко ты издеваешься над собственным пасынком! Жди, очень скоро он призовет тебя к ответу!

На лице Цзи Ляня наконец проступило замешательство. Сунь Ланьшу торжествующе улыбнулась — она нащупала его уязвимое место.

Этот особняк Хэ Минчэнь приобрёл совсем недавно. Ремонт завершился буквально на днях, и хозяин, всецело доверявший опытной экономке, даже не подумал установить внутри камеры наблюдения. К тому же Сунь Ланьшу была твердо уверена, что у Цзи Ляня нет против неё

никаких доказательств.

Заметив, как побледнел парень, она не смогла сдержать победного смешка:

— Что, прикусил язык? Поздно испугался! Будешь и дальше покорно сидеть ниже травы, тише воды — глядишь, я и не стану доводить дело до крайностей. Скажи мне спасибо за этот урок, глупый мальчишка. Впредь будешь знать, что доверять никому нельзя. Всегда нужно держать ухо востро.

Вдоволь насладившись замешательством на лице противника, Сунь Ланьшу бесцеремонно оттолкнула его своим грузным телом и ввалилась в детскую. Она тяжело опустилась на корточки перед Дяньдянем и, фальшиво улыбаясь, потянулась к его личику.

— Твой Сяо-ба очень плохо себя ведёт, — пропела она медовым, но сочащимся ядом голосом. — Вот вернётся твой папа, и я обязательно расскажу ему, какой ты у нас непослушный и капризный мальчик.

Дяньдянь уже несколько дней не плакал. С тех самых пор, как Сяо-ба похвалил его за храбрость, он твёрдо пообещал себе быть сильным.

Но у него ничего не получалось.

«Я опять обманул Сяо-ба... Я совсем не сильный. Я обычный плакса...»

Видя, как испуганно округлились глаза ребёнка, Сунь Ланьшу мысленно выдохнула с облегчением. Стоит только вышвырнуть из дома этого сумасшедшего актеришку, как сопляк снова окажется в полной её власти. Тогда-то она и отыграется.

Дяньдянь изо всех сил закусил нижнюю губу, пытаясь сдержать рвущиеся наружу рыдания. В этот момент мысли экономки унеслись далеко вперёд, и она, потеряв контроль над собственными пальцами, больно сжала его нежную щеку. Кожа мгновенно вспыхнула багровым пятном. Малыш не выдержал резкой боли и тонко вскрикнул.

Крупные слёзы градом покатались по лицу. Мальчик широко разинул рот, собираясь разрыдаться в голос, но вместо плача из его горла вырвался громкий, протяжный и сытый ик.

Этот нелепый звук заставил слёзы застрять на полпути. Дяньдянь замер от неожиданности. Детские щёчки мгновенно вспыхнули от жгучего стыда, но не успел он опомниться, как переполненный желудок внезапно взбунтовался. Малыша резко согнуло пополам, и его шумно, безудержно вырвало прямо на сидевшую перед ним Сунь Ланьшу.

Тётушка Сунь оцепенела.

<http://bllate.org/book/18977/2162720>